

Научная статья
УДК 343

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Алексей Алексеевич Эксархопуло¹, Айгуль Фаатовна Халиуллина²,
^{1,2} Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
¹ a.exarkhopulo@mail.ru, ² aigul229@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы предпосылки формирования специальных знаний, проведен исторический анализ различных подходов к понятию «специальные знания». Сложность расследования отдельных преступлений обуславливает необходимость привлечения сведущих лиц, помогающих следователю и суду решать вопросы, выходящие за рамки юридической специальности, которой они владеют. Приведены значимые критерии разграничения специальных и неспециальных знаний, а также критерии признания определенных групп лиц носителями специальных познаний.

Ключевые слова: специальные знания, лица, обладающие специальными знаниями, юридические знания, стратегия расследования.

Для цитирования: Эксархопуло А. А., Халиуллина А. Ф. К вопросу о сущности специальных знаний в российском уголовном процессе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 125–130.

Original article

ON THE ISSUE OF THE ESSENCE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Alexey Alekseevich Exarkhopulo¹, Aigul Faatovna Khaliullina²,
^{1,2} Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,
¹ a.exarkhopulo@mail.ru, ² aigul229@mail.ru

Abstract. The article analyzes the prerequisites for the formation of special knowledge, carries out a historical analysis of various approaches to the concept of “special knowledge”. The complexity of investigating individual crimes necessitates the involvement of knowledgeable individuals who help the investigator and the court to resolve issues that go beyond their legal specialty. Significant criteria for distinguishing between special and non-special knowledge, as well as criteria for recognizing certain groups of persons as carriers of special knowledge, are given.

Keywords: special knowledge, persons with special knowledge, legal knowledge, investigation strategy.

For citation: Exarkhopulo A. A., Khaliullina A. F. On the issue of the essence of special knowledge in the Russian criminal proceedings // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. (100). P. 125–130.

При расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел нередко возникают вопросы, ответить на которые профессиональный юрист в силу ограниченности своих знаний не может. Какова причина смерти человека? Чей труп с признаками насилия был обнаружен? Какова действительная

стоимость похищенного имущества? Представляло или нет утраченное изделие историческую и художественную ценность? Кто подписал спорное завещание? Все эти вопросы способны поставить следователя или суд в трудное положение. Для получения на них ответов в уголовном судопроизводстве

© Эксархопуло А. А., Халиуллина А. Ф., 2023

и существует институт специальных знаний. Подобные ситуации возникают не только в юридической практике, но и в процессе осуществления любой иной деятельности, требующей соответствующих материальных и интеллектуальных ресурсов. Если в своем стремлении достичь поставленных целей человек будет рассчитывать исключительно на собственные силы, знания и опыт, то вполне вероятно, что его усилия окажутся малопродуктивными. Причиной тому является ограниченность наших знаний и накопленного опыта, формирующихся в отдельных профессиях, которые, отличаясь обособленностью, в реальных условиях оказываются не в состоянии удовлетворять всем запросам практики. В связи с этим зачастую только объединенными усилиями можно достичь поставленных целей.

«Человеческое знание, – подчеркивал выдающийся мыслитель XIX века Артур Шопенгауэр, – неизмеримо во все стороны, и из того, что достойно знания, никто в одиночку не может знать даже тысячной доли» [1, с. 711]. Сказанное в полной мере относится и к деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, осуществление которой немислимо сегодня без обращения к сведущим лицам, помогающим следователю и суду решать вопросы, выходящие за рамки юридической специальности, которой они владеют. В своей правоохранительной практике следственным и судебным органам приходится обращаться к специалистам самых разнообразных профессий, представляющих многочисленные отрасли науки, техники, иных профессиональных сфер деятельности, и имеющих в своем арсенале знания, навыки, умения и опыт, которыми не обладают субъекты процессуального доказывания.

Основоположник криминалистики Ганс Гросс так писал о роли специальных знаний в расследовании преступлений: «Без сомне-

ния, важнейшим вспомогательным средством, имеющимся в распоряжении судебного следователя, являются лица сведущие, заключения которых часто оказывают решающее влияние на дело» [2, с. 188].

Впрочем, именно эта неоднозначность толкования специальных знаний на многие годы определила интерес ученых и практиков к данной проблеме, а ее решение признавалось важным как с точки зрения необходимости соблюдения законности при обращении за содействием к сведущим людям, так и с позиций определения пределов привлечения сведущих лиц к отправлению правосудия. При этом многие и ученые, и практики, занимавшиеся проблемой специальных познаний в уголовном судопроизводстве, в поисках ответа на вопросы о правомерности их использования предпочитали ограничиваться исключительно научным толкованием самого термина, причем, далеко не всегда обоснованным.

Обобщая высказанные учеными в разное время суждения о специальных знаниях и их сущности, мы можем констатировать, что на протяжении истории развития данного института эти вопросы решались по четырем основным направлениям, которые можно свести к следующим разновидностям:

1. Законодательная разработка перечня источников специальных знаний, привлекаемых в уголовное судопроизводство. Такие попытки стали предпринимать начиная с 1832 года, то есть с издания Свода Законов Российской Империи¹, и продолжались они на законодательном уровне вплоть до принятия в 2001 году Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»², а именно в качестве источников специальных знаний привлекались наука, техника, искусство и ремесло (ст. 2). Этот перечень был подтвержден и в п. 1 Постановления Пле-

¹ Свод законов Российской Империи. Издание в 16-ти томах // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire> (дата обращения: 20.04.2023).

² О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // Доступ из информационно-правового обеспечения «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения: 20.04.2023).

нума Верховного Суда Российской Федерации № 28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам»¹. На них и сегодня ученые ссылаются как на источники специальных знаний [3, с. 14], несмотря на неудачную формулировку, не допускающую, в отличие от Устава уголовного судопроизводства 1864 года² (далее – УУС, Устав), расширительного толкования.

Между тем, ни ограничение круга источников конкретными областями знаний, ни введение в закон положений, предполагающих возможность расширительного их толкования, не давали ответа на вопрос о правомерности использования отдельных из них для решения возникающих проблем. Не найдя приемлемого законодательного решения вопроса о сущности специальных познаний в уголовном процессе, законодатель, принимая в 2000 году новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), просто отказался устанавливать в нем перечень источников специальных знаний и навыков. Возможно, это было самое разумное решение.

2. Закрепление в законе списка обладателей специальных знаний, по которому можно было бы отчасти судить о сущности тех из них, которые могли быть использованы в уголовном судопроизводстве. В наше время усилия ученых в этом направлении прилагались в основном для того, чтобы сформулировать общие условия (критерии) признания определенных групп лиц носителями специальных знаний. Наибольшее распространение среди них получили такие признаки (критерии) обладания специальными знаниями, как:

а) необходимость их получения за рамками общеобразовательной подготовки или житейского опыта (А. В. Кудрявцев) [4, с. 7];

б) обладание такими знаниями ограниченным кругом лиц, «имеющих профессиональную подготовку и навыки, кроме правовых и криминалистических знаний, применяемых при производстве следственных действий» (Ю. К. Орлов) [5, с. 8];

в) получение специальных знаний в результате обучения (В. Д. Арсеньев, В. Г. Заблоцкий) [6, с. 4] и т. д.

Несложно заметить, что ни обладатели специальных навыков, умений, ни «сведущие люди», приобретшие «особенную опытность», под данную категорию не подходили. Видимо, именно эта недоработка позволила П. П. Ищенко высказать свое категорическое суждение о том, что «... в определении специальных знаний и навыков, используемых в уголовном судопроизводстве, не должно быть требований, связанных с образованием...» [7, с. 6].

3. Ограничение круга потребителей специальных знаний, имеющих право обращаться за содействием к сведущим лицам. Первым законодательным актом, назвавшим поименно субъектов «потребления» специальных знаний и навыков стал УУС 1864 года. Ими оказались мировые судьи (ст. 112 УУС), судебные следователи (ст. 325 УУС) и члены окружного суда (ст. 692 УУС). Неудивительно, что именно с этого момента стали появляться авторитетные суждения о том, что правовые знания для этих лиц не являются специальными. Так, комментируя нормы Устава, касающиеся привлечения «сведущих людей» в уголовный процесс, профессор М. Н. Гернет в 1914 году писал: «... заключение экспертов, как сведущих по той или иной специальности людей, является компетентным в отношении исключительно технических вопросов, оно ни в коем случае не может касаться вопросов юридических» [8,

¹ О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 (ред. от 29.06.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 20.04.2023).

² Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 года / Доступ из информационно-правового обеспечения «Гарант». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 20.04.2023).

с. 47]. И хотя сам Устав к решению вопроса о праве как области специальных познаний относился иначе, мысль о недопустимости ставить перед экспертами правовые вопросы в течение всех последующих лет поддерживалась большинством отечественных ученых, что и было закреплено в двух постановлениях Пленума Верховного Суда СССР (1971 года) и Российской Федерации (2010 года).

Такое отношение к юридическим знаниям, используемым в уголовном судопроизводстве, было вполне объяснимо и тогда – в годы проведения Судебных реформ середины XIX века, и в наше время – в начале XXI столетия. Ибо из установленного законодателем перечня «потребителей» специальных знаний, а в числе таковых до недавнего времени назывались только субъекты процессуального доказывания, следовало, что носителям таких знаний могут быть представители любых профессий, кроме юристов. И именно потому, что и следователи, и прокуроры, и судьи обязаны были сами владеть юридическими познаниями.

4. Поиск объективных критериев разграничения специальных и неспециальных знаний и навыков. Это направление установления круга тех видов познания, обращение к которым для решения возникающих специальных вопросов уголовно-процессуальный закон признает правомерным, стало преобладающим в исследованиях большинства ученых. И таких критериев ими было выработано немало. Одним из первых различать специальные и иные знания предложил А. А. Эйсман, назвав в качестве критерия разграничения признак их известности и доступности. Соответственно, автор считал специальными только знания «не общеизвестные и не общедоступные, которыми располагают ограниченный круг специалистов» [см. 9, с. 91]. Идею известного ученого поддержали многие криминалисты, используя близкие по смыслу формулировки. Например, Е. Р. Россинская еще в 1999 году писала: «Специальными именуется познания, не общераспространенные, не общеизвестные, которыми обладают лишь специалисты-профессионалы в той или иной области человеческих знаний» [10, с. 7].

Учеными предлагались и другие, на наш взгляд, менее значимые критерии разграничения специальных и неспециальных познаний. Анализируя в целом эти предложения, позволяющие отличать специальные познания от всех остальных, включая умения и профессиональный опыт, мы приходим к выводу, что ни одно из них в принципе не способно сформировать целостного представления о сущности тех знаний, которые в уголовном судопроизводстве принято называть специальными, как невозможно привести и исчерпывающий перечень носителей таких познаний, ибо таковых окажется не только не меньше, а скорее всего существенно больше количества в принципе существующих в мире отраслей знания, профессий, профессиональных занятий, особых навыков, умений и т. д. Здесь не помогут никакие критерии не помогут: ни уровень образования, как не способный отразить все разнообразие приобретаемых специальных знаний, профессиональных навыков и умений, ни степень доступности тех или иных знаний, которые, чтобы стать для их потребителя «специальными», надлежит осваивать каждым сведущим лицом индивидуально. И не факт, что они окажутся недоступными для освоения или потребления массами населения. Например, знание закона доступно любому человеку с детства. Л. Е. Владимиров более ста лет назад писал: «... законы – вовсе не наука, а правила поведения, правила, в общих чертах известные каждому гражданину, потому что они познаются с детства путем воспитания и участия в общественной жизни...» [11, с. 301].

Не прибавит ясности в решении рассматриваемого вопроса и оценка уровня известности тех или иных специальных сведений из науки, техники и т. д., как невозможная ни по каким объективным критериям, ни какие-либо иные признаки, претендующие на статус определяющих сущность специальных познаний. На это, кстати, еще в 1968 году обратил внимание З. М. Соколовский, назвав неудачной попытку противопоставить специальные знания общежитейским и общеизвестным, ибо в зависимости от

обстоятельств дела и иных условий одни и те же знания могут быть отнесены в одном случае к специальным, в другом – к общеизвестным [12, с. 117].

Примерно к такому же выводу пришли в итоге и многие ученые, в том числе те, кто в свое время выдвигал и поддерживал предложения о разграничении специальных и обыденных знаний по признаку их «не общеизвестности», «не общедоступности» или «не общераспространенности». Так, Е. Р. Россинская уже после принятия в 2000 году нового УПК РФ обоснованно заметила: «Соотношение специальных и общеизвестных знаний по своей природе изменчиво, зависит от уровня развития социума и интегрированности научных знаний в повседневную жизнь человека. Расширение и углубление знаний о каком-то явлении, процессе, предмете приводит к тому, что знания становятся более дифференцированными, системными, доступными все более широкому кругу лиц...». По мнению автора, дефиниция «общеизвестные знания» «носит... субъективный, оценочный характер, также как и термин «общеобразовательная подготовка» [13,

с. 11]. Эту изменившуюся, а вернее сказать уточненную позицию известного ученого поддержали и другие авторы [14, с. 5].

Еще более категорично высказалась Т. В. Аверьянова: «... полагаем, что термин «не общеизвестные» не вполне корректен и данный критерий как признак специальных знаний действительно не имеет права на существование» [15, с. 181]. Трудно не согласиться с мнением известного ученого, признанного специалиста в области общей теории судебной экспертизы.

Таким образом, критериев для объективного разграничения специального и неспециального не существует и существовать не может. А значит, не существует и возможности исчерпывающе очертить круг специальных знаний, перечислив их в каком бы то ни было списке. Видимо, придется искать иные подходы к решению проблемы уяснения сущности специальных познаний, привлечение которых для собирания, исследования, оценки и использования доказательств по уголовным делам допускает закон. По нашему мнению, с прежними подходами данная проблема, не решается.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шопенгауэр А. Афоризмы и истины. М.: «Эксмо-Пресс», 1999.
2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб, 1908.
3. Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография. 2-е изд-е перераб и доп. М.: Проспект, 2017.
4. Кудрявцев А. В. Понятие «специальные знания». Экспертно-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие / под ред. Ф. Г. Аминова. Уфа: УЮИ МВД России, 2010.
5. Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам): учебное пособие. М.: Юристъ, 1995.
6. Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. А. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986.
7. Ищенко П. П. Специалист в следственных действиях. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты. М.: Юридическая литература, 1990.
8. Статкус В. Ф. О правовой экспертизе и юристах «второго сорта» // Российская юстиция. 2006. № 1.
9. Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования. М., 1967.
10. Россинская Е. Р. Профессия – эксперт (Введение в юридическую специальность). М.: Юристъ, 1999.
11. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000.
12. Соколовский З. М. Проблема использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний для установления причинной связи явлений: дис. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1968.

13. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Норма, 2008.
14. Зинин А. М. Участие специалиста-криминалиста в процессуальных действиях: учебник. М.: Проспект, 2011.
15. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2006.

REFERENCES

1. Schopenhauer A. Aphorisms and Truths. M.: Eksmo-Press, 1999. (In Russ.)
2. Gross G. Guide for forensic investigators as a system of criminalistics. St. Petersburg, 1908. (In Russ.)
3. Tarasov A. A. Expert and specialist in the criminal proceedings of Russia: monograph. 2nd ed. revised and suppl. M.: Prospekt, 2017. (In Russ.)
4. Kudryavtsev A. V. The concept of “special knowledge”. Forensic support for the disclosure and investigation of crimes: textbook / ed. F. G. Amineva. Ufa: ULI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. (In Russ.)
5. Orlov Yu. K. Expert’s opinion and its assessment (in criminal cases): textbook. M.: Jurist, 1995. (In Russ.)
6. Arseniev V. D., Zablotskiy V. A. The use of special knowledge in establishing the actual circumstances of a criminal case. Krasnoyarsk, 1986. (In Russ.)
7. Ishchenko P. P. Specialist in investigative actions. Criminal procedure and forensic aspects. M.: Legal literature, 1990. (In Russ.)
8. Statkus V. F. About legal expertise and “second-class” lawyers // Russian justice. 2006. No. 1. (In Russ.)
9. Eisman A. A. Expert opinion. Structure and scientific justification. M., 1967. (In Russ.)
10. Rossinskaya E. R. Profession – expert (Introduction to the legal specialty). M.: Jurist, 1999. (In Russ.)
11. Vladimirov L. E. The doctrine of criminal evidence. Tula: Autograph, 2000. (In Russ.)
12. Sokolovsky Z. M. The problem of using special knowledge in criminal proceedings to establish a causal relationship of phenomena: dis. ... doc. legal Sciences. Kharkov, 1968. (In Russ.)
13. Rossinskaya E. R. Judicial examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. 2nd edition, revised and enlarged. M.: Norma, 2008. (In Russ.)
14. Zinin A. M. Participation of a forensic specialist in procedural actions: a textbook. Moscow: Prospekt, 2011. (In Russ.)
15. Averyanova T. V. Forensic examination. General theory course. M.: Norma, 2006. (In Russ.)

Информация об авторах:

Эксархопуло А.А., доктор юридических наук, профессор;
Халиуллина А.Ф., кандидат юридических наук.

Information about the authors:

Exarkhopulo A. A., Doctor of Law, Professor;
Khaliullina A. F., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 23.04.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 23.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.